

Ф. М. БУРЛАЦКИЙ ОБ ЭЛИТЕ, ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ И ЭКСПЕРТАХ

В. А. Соболев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье представлен анализ исследования феноменов элиты, политического лидерства и экспертов в творчестве Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014). Предметом изучения в статье является подход Ф. М. Бурлацкого к элите и политическому лидерству, а также роль экспертов в принятии государственных и политических решений. Современные отечественные исследования феноменов элиты и политического лидерства опираются не только на работы зарубежных политологов, но и на наследие советских ученых. Обращение к идейно-политическому наследию Бурлацкого позволяет показать результаты, достигнутые в этих областях. Одно из первых отечественных исследований элит и политического лидерства было осуществлено в начале 1970-х гг. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В нем, используя разработки западной науки и синтезируя их с достижениями советских ученых, была проанализирована динамика эволюции различных групп элит Западной Европы и США. Результаты данного исследования были опубликованы в книге, написанной Ф. М. Бурлацким в соавторстве с А. А. Галкиным, — «Социология. Политика. Международные отношения» и получили дальнейшее развитие в обобщающей работе «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма». Изучение и анализ элит, а затем лидерства пробудили исследовательский интерес Ф. М. Бурлацкого к теоретическому описанию феномена политических экспертов. В 1950–1960-е гг. Бурлацкий работал советником Н. С. Хрущева, а также возглавлял группу консультантов при Ю. В. Андропове. Ф. М. Бурлацкий первым в советской науке поднял вопрос о политической роли экспертов и их участии в принятии государственных и политических решений. Проведя историко-политологический и политико-текстологический анализ публикаций Ф. М. Бурлацкого, автор приходит к следующим выводам. Бурлацкий разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства, который расходится с доминирующими сегодня в мировой политической науке трактовками, выводящими ценностные и нравственные вопросы за рамки политологического анализа. Кроме того, Ф. М. Бурлацкий сформулировал оригинальную типологическую модель политических экспертов, основанную на личном опыте работы в качестве советника, и выделил следующие их типы: а) «советник-мыслитель», б) «советник-пророк» и в) «советник-политикан».

Ключевые слова: Ф. М. Бурлацкий, элита, политическое лидерство, политические эксперты, политическая наука в СССР, история политической науки России.

Современные отечественные исследования феноменов элиты (Воронкова, Сидорова, Крыштановская, 2011; Гаман-Голутвина, 2016; Гуторов, 2014; Дука, 2009; Дука, 2008; Кочетков, 2011; Пляйс, 2015; Соловьев, 2015) и политического лидерства (Ильин, Коваль, 1991; Соловьев, 2017; Шестопал, 2013; Шестопал, 2011) опираются не только на работы зарубежных политологов, но и на насле-

дие советских ученых. Обращение к творчеству Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014) позволяет показать некоторые результаты, достигнутые в этой области (см. подробнее: Соболев, 2018а; Соболев, Ширинянец, 2016; Шестопал, Шутов, 2014; Sobolev, 2019).

Одно из первых отечественных исследований элит и политического лидерства было осуществлено в начале 1970-х гг. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В нем, используя разработки западной науки и синтезируя их с достижениями советских ученых, была проанализирована динамика эволюции различных групп элит Западной Европы и США. Результаты данного исследования были опубликованы в книге, написанной Ф. М. Бурлацким в соавторстве с А. А. Галкиным, — «Социология. Политика. Международные отношения» и получили дальнейшее развитие в обобщающей работе «Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма».

Феномен элиты. В книге «Современный Левиафан...» *элита* трактуется как «верхушечные группы различных слоев, составляющих в совокупности господствующий класс, группы, которые отражают интересы данного класса и осуществляют в соответствии с этим управление экономической, социальной и политической жизнью общества» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 124). Из предложенного понятия элиты следует, что речь идет о «категории лиц, принимающих решения, которые оказывают существенное влияние на функционирование и развитие общественного организма» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 133). Такие решения могут быть приняты как в экономической, так и в политической сферах. Однако решения, принятые в политической сфере, могут носить «преимущественно экономический, а в экономической — преимущественно политический характер. Сами эти сферы тоже неоднородны. Экономическая подразделяется на частную и государственную, политическая — на политическую в узком смысле этого слова, бюрократическую и идеологическую» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 134).

Процесс принятия решений у различных элит имеет сложный и многоуровневый характер, поэтому решающую роль в нем играют «не только те, кто формально визирует решения или берет на себя за них ответственность» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 133), но и «лица, формально не облеченные всей полнотой власти, однако имеющие большой вес при подготовке и обсуждении решений, а также в ходе их практической реализации или наблюдения за исполнением» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 134).

При принятии экономических решений в государственной сфере «велико влияние групп экспертов, состоящих, как правило, из лиц, непосредственно отражающих интересы крупнейших частных монополий и представителей технократической верхушки» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 133). Политические же решения принимаются под «воздействием “групп давления”, решающую роль среди которых играют защитники интересов крупных частных монополий, а формулируются (политические решения. — В. С.) и осуществляются при самом активном, а иногда и определяющем участии бюрократической верхушки» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 135).

Это дает возможность более конкретно определить *границы и внутреннюю структуру элиты*. Ее частью, которая функционирует на «поверхности, формально выступая в качестве основного носителя властных функций, является политическая элита» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 133–134). С точки зрения структуры власти она состоит из группы, принимающей политические решения, и группы, оказывающей политическое давление.

Принимаемые политической элитой решения носят «наиболее общий характер. По мере развития государственно-монополистического капитализма и, соответственно, расширения сферы компетенции... государства политические решения становятся определяющими далеко за пределами того круга проблем, которые по традиции считаются политическими» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 134). Однако в принятии таких решений политическая элита существенно ограничена. На практике ее роль и влияние зависят от «конкретной обстановки: соотношения классовых сил в стране, остроты социальных противоречий, расстановки сил в самой... элите, специфики формы политического строя» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 135).

На позиции политической элиты существенное влияние может оказывать «обострение социально-классовой обстановки в стране. Пока противостоящие классы уравнивают друг друга, политическая верхушка, лавируя и заигрывая с различными социальными силами, может не только укрепить свои позиции, но и приобрести определенную свободу рук» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 134–135). Однако это возможно только до определенного предела, после которого начинается распад политической власти: «Как только социальный накал достигает уровня, за которым возникает угроза власти господствующего класса... элита, действуя в соответствии с его интересами, занимает четкую позицию по одну сторону баррикады. Соответственно возможности маневра, которыми она располагала до этого, уменьшаются» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 136).

Основное ядро элиты образуют «владельцы монополий, а также директора и управляющие частных государственных компаний, или экономическая элита. Ее влияние в капиталистическом обществе обусловлено огромной концентрацией экономической мощи» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 135). По отношению к политической элите она выступает в качестве группы давления. Формы воздействия на политическую власть могут быть следующими: «...и субсидирование политических партий, и финансирование политических кампаний, и давление на правительства через парламент, а на парламент — через разветвленную систему лоббизма, и прямой подкуп, и экономический саботаж неудобных решений, и организация заговоров для свержения попавших в немилость политических режимов» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 136).

Власть экономической элиты может зависеть от «степени концентрации экономической мощи, неодинаковой в различных странах. Немалую роль играет уровень сплоченности самой хозяйственной верхушки» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 135). Ее власть ограничивают «противостоящие ей социальные, классовые силы, наличие мощного рабочего движения, руководимого революционной партией, степень единства антимонополистических сил» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 137).

Довольно ощутимым влиянием, но меньшим, чем экономическая и политическая группы элиты, обладают «руководящие деятели бюрократического аппарата. Иногда их считают составной частью политической элиты. Однако специфика их положения в системе власти, интересов и характера воздействия на общественный организм позволяет рассматривать их как отдельную группу» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 135).

Влияние *бюрократической элиты* осуществляется двумя путями. *Во-первых*, «ее представители обладают полномочиями для принятия важных решений в той сфере, которую они непосредственно опекают. Такие решения, хотя формально и не носят политического характера, могут в ряде случаев оказывать определяющее воздействие на общественную жизнь» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 137). *Во-вторых*, «у них (представителей бюрократической элиты. — В.С.) имеются огромные возможности влиять как на характер принимаемых общеполитических решений, подготовку которых они осуществляют, так и на проведение их в жизнь» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 137).

Место и роль *военной элиты* в правящем классе зависят от «степени развития милитаризма. При низком уровне она не играет самостоятельной роли» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 136). Общественные позиции ее представителей зависят от «места, которое они занимают в других группах элиты, другими словами, от политических связей, размеров личного богатства и т.д. Рост удельного веса военной клики превращает ее в самостоятельную силу» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 137).

Особое положение занимает *идеологическая (коммуникационная) элита*. В нее обычно включают «ведущих деятелей науки, искусства и культуры, верхушку духовенства, а также лиц, направляющих деятельность средств массовых коммуникаций» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 136). Эффективное управление современным обществом «невозможно без целенаправленного формирования его идейной и культурной жизни» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 136–137). Поэтому «господствующий класс вынужден прилагать максимум усилий для поддержания влияния своей идеологии, усиления ее воздействия на массы» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 138). Эффективность такой деятельности напрямую зависит от активного участия в ней лиц, играющих «ведущую роль в идейной и духовной жизни. Это невозможно без их тесных контактов с... элитой, а в некоторых случаях и прямого слияния с ней» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 138).

Однако такая успешная интеграция осуществляется не всегда. Легче всего туда интегрируются «лица, направляющие деятельность средств массовых коммуникаций» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 137). Большинство из них входят в элиту через другие группы — «как крупные собственники (владельцы газет, частных радиостанций и коммерческих телевизионных компаний) или государственные чиновники (руководители государственных органов информации)» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 138).

Деятели науки и культуры интегрируются сложнее. Это происходит из-за того, что специфика духовной деятельности обуславливает «определенную степень критического отношения к действительности. Кроме того, высокое общественное признание несовместимо с позициями плоского конформизма.

Немалую роль играет и то, что влияние в данной сфере обычно носит неофициальный характер» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 137). Поэтому можно констатировать, что возможности волевого формирования идеологической элиты находятся в узких рамках. Интеграция данной группы может быть в ряде случаев осуществлена «путем применения различных форм коррумпирования. Тем не менее ее большая часть пытается сохранить относительно независимое положение либо оказывается в оппозиции к системе. Ввиду этого идеологическая верхушка входит в... элиту лишь частично» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 139).

Приведенная характеристика различных групп в составе элиты позволяет очертить ее границы. Границы, отделяющие основную часть правящего класса от элиты, можно установить на основе изучения «перечня должностей и позиций, обладание которыми обеспечивает включение в состав элиты» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 138). Данный перечень «варьируется в зависимости от национальной специфики» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 140).

Кроме того, необходимо определить «круг фирм, руководители которых могут быть включены в такие перечни. Вопрос этот также решается для каждой страны отдельно с учетом различий в уровне промышленного развития, степени концентрации капитала, размеров национального богатства и т. д.» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 139). В перечень бюрократической элиты включают «руководящий состав общенациональных учреждений — от министерских до высших судебных» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 140). Главный критерий отнесения к этой группе — «участие в подготовке и принятии решений, оказывающих заметное влияние на процессы развития в национальных масштабах. Аналогичным путем определяется состав военной и коммуникационной элит» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 141).

Здесь необходимо сделать оговорку, что приведенный метод выявления численности элиты не лишен недостатков. Так, определение численности путем анализа перечня должностей не дает однозначной картины, так как они могут быть отнесены к тем или иным элитным группам. В таких спорных случаях можно использовать экспертную оценку. Также нередко существует расхождение между формально-должностным и реальным влиянием. Поэтому целесообразно включение в состав элиты на основе других признаков.

Феномен политического лидерства. Исследование процесса формирования и структуры элиты позволяет, с одной стороны, перейти к более детальному рассмотрению феномена политического лидерства и его ключевым характеристикам, а с другой — выявить «особенности реализации власти каждой из составляющих ее групп. Для экономической и бюрократической (в том числе военной) элит наиболее типично осуществление властных функций по закрытым каналам, для политической и коммуникационной — по внешне открытым» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 157). Данное различие важно, так как открытые формы реализации власти переносят «осуществляющие их группы на общественную авансцену. Информация об их деятельности — при всей ее ограниченности — гораздо шире по сравнению с другими группами. Больше и формальные возможности для контроля за нею» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 160).

В процессе исторического развития общество выработало для политического руководства специальные правила поведения и систему ограничителей, которые ставят его в определенные рамки. Осуществление власти по открытым каналам предполагает в «качестве одной из важнейших функций установление непосредственных связей со всем обществом, прямую апелляцию к его активной части, ее мобилизацию на поддержку всего того, что является необходимым для осуществления власти... элиты или, по крайней мере, обеспечение благожелательного нейтралитета» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 157–158). Использование закрытых каналов требует умений и качеств другого рода — «способности обеспечить сплоченность элитарной “группы интересов”, нахождения путей укрепления ее позиций, употребления механизмов власти для осуществления своих целей и нейтрализации противостоящих им устремлений» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 160).

Различия в каналах и типах осуществления власти формируют индивидуальные качества лиц, входящих в те или иные группы элиты: «“идеальная” модель преуспевающего менеджера-технократа и собственника, использующего скрытые рычаги общественной власти, отличается от “идеальной” модели высокопоставленного бюрократа, знающего силу вовремя подготовленной (задержанной) бумаги, или прожженного политика, освоившего современные методы массового воздействия — как через средства массовых коммуникаций, так и путем прямых контактов с рядовыми гражданами» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 158). Необходимо оговориться, что «идеальные» модели существуют лишь в теории. На практике черты различных «идеальных» типов, учитывая всевозможные переплетения структурных элементов элиты, могут быть «свойственны одному человеку. Можно найти также немало примеров, когда представитель одной элитной группы обладает чертами, которые, согласно “идеальной” модели, должны были бы быть присущи представителю иной и т.д.» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 160–161).

Приведенное различие реализуется с помощью своеобразного механизма селекции: «Его основная пружина — критерий успеха... но действующий уже в пределах самой... элиты. Например, для занятия ведущих позиций в рамках экономической элиты недостаточно получить в наследство крупное состояние» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 158). Необходимо обладать «умением сохранить и умножить его в ожесточенной борьбе с конкурентами. Отсутствие такого умения (или соответственно желания) обычно является побудительной причиной перехода в другую элитную группу» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 161).

Аналогичный процесс происходит и в других элитных группах. «Элитарные позиции родителей (например, размеры их состояния) могут открыть (и, как правило, открывают) путь для вхождения в бюрократическую элиту и для быстрого продвижения по ступеням ее иерархии» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 159). Однако при выборе такой карьеры и для успешной ее реализации необходимы, «по меньшей мере готовность, склонность и способность принимать и реализовывать в ходе конкретной деятельности достаточно унылые “правила игры” этой элитарной группы» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 161).

При этом *типология лидеров*, рассматриваемых в качестве части элиты, не может быть сведена к «структурным критериям, тем более что сама структура... элиты... постоянно меняется. Каждая историческая эпоха, каждый исторический поворот выдвигают свои специфические требования к различным группам правящей верхушки, соответственно воздействуя на их формирование» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 159).

В ходе исторического развития общества требования к политической элите менялись: «Традиционная... либерально-парламентская система, сформировавшаяся во второй половине XIX в., была рассчитана на низкую политическую активность основной массы населения. В политическую систему были включены, как правило, лишь наиболее состоятельные и образованные социальные группы» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 160). Типичный представитель политической элиты того времени — политик, борющийся за «парламентскую карьеру. Его обычный путь — от рядового члена парламента через парламентария “министериабельного” к государственному деятелю» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 160). Отличительными чертами такого политика чаще всего являлись «гуманитарное (преимущественно юридическое) образование, большая или меньшая степень политической ориентированности (включая высокую долю беспринципности), изворотливость, умение устанавливать необходимые контакты и красноречие. Последнее качество в ряде случаев имело столь большое значение, что могло сыграть определяющую роль в политической карьере» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 163).

По мере развития общества менялась и его политическая система. «Расширение функций государства... привело к усложнению функций политической деятельности. Ускорение общественного развития, связанное с коренной ломкой устоявшихся, традиционных структур, еще больше обострило и так уже острые проблемы, с которыми столкнулся капитализм. Одновременно появились новые инструменты и методы политического воздействия на массы» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 161). Политику-парламентарию начали составлять серьезную конкуренцию политические лидеры «нового» типа: «*лидер-демагог*» — «апеллирующий к широкой, преимущественно неорганизованной, массе, спекулирующий на ее инстинктах, предрассудках, традиционном консерватизме, политической неискушенности, обусловленной отсутствием опыта» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 163); «*политический бюрократ*» — «специалист по созданию политических организаций и руководству ими, владеющий методами массовой манипуляции» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 163).

Возрастающая роль политических лидеров «нового» типа наиболее ярко проявилась в процессе формирования и развития фашистских режимов в 1920–1930-е гг. в Италии и Германии. Эти лидеры (к ним можно отнести и лидеров крайне правых политических элит в странах Европы) отличались от «своих предшественников не только политической программой, но и методами реализации власти» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 161). Все они играли в «“народных вождей”, обращались “непосредственно к народу”, говорили о его “насущных социальных проблемах”, обещали стоять на “страже его интересов”» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 164).

По своему происхождению лидеры «нового» типа были «выходцами из низов. Это обстоятельство помогало им лучше понять психологию... массы, к которой они прежде всего обращались, играть на ее слабых струнах» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 161). Тогда изменились и критерии политических речей: «Это были уже не парламентские рулады, построенные по всем правилам ораторского искусства и рассчитанные на эрудитов. В политический обиход были введены грубые, примитивные призывы, рассчитанные на эмоции толпы, отсутствие у нее привычки рассуждать, на создание атмосферы массового психоза. Наряду с лидерами этого толка появились также политики второго плана, державшие в руках важнейшие организационные нити» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 164).

Возрастание роли политических лидеров такого типа происходило и после падения крайне правых режимов, представлявших собой «кризисную форму реализации процесса государственно-монополистического развития... капитализма. Смягчились лишь внешние проявления поведения, в том числе формы апелляции к массам» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 164).

Тенденции, лежащие в основе нынешнего стремления общества к сильному политическому лидерству, во многом отличаются от тех, которые привели «в свое время к установлению фашистских режимов» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 170). Но их социально-политические и экономические корни аналогичны. Сегодня кризисные тенденции обнажают «несостоятельность существующей политической системы, которая перестает эффективно выполнять свою надстроечную роль. Она оказывается не в состоянии ни гарантировать стабильность позиций правящего класса, ни обеспечить устойчивость функционирования и взаимодействия своих элементов. Теряют эффективность и используемые этой системой методы поддержания минимально необходимого для ее сохранения уровня консенсуса» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 172).

В таких условиях обращение к сильной власти, к «харизматическому лидеру», к «герою» может «действительно показаться (и зачастую кажется) панацеей от всех бед, которые обрушиваются на политическую систему капитализма» (Бурлацкий, Галкин, 1974, с. 170). Такая апологетика сильной власти, сильной личности весьма показательна в качестве отражения «определенных настроений и расчетов. Однако, как продемонстрировал опыт и бонапартизма, и фашизма, обращение к лидеру-«герою» является лишь паллиативом. Сама по себе «сильная власть», персонализированная в одном человеке, не в состоянии решать назревшие проблемы и только создает новые» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 172).

Приписываемая лидерам харизматического типа «целеустремленность» в принятии решений зачастую является внешней. Решения принимаются на основе «искаженной информации, которая учитывает взгляды лидера. Их реализация контролируется только сверху, т.е. односторонне» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 172). Необходимость создания жесткой структуры для реализации единоличной сильной власти формирует «бюрократическую прослойку, которая вскоре приобретает негативные черты бюрократии, существовавшей при прежней власти, не обладая ее компетентностью. Перекрытие последних каналов

обратной связи, существовавших при парламентском режиме, лишает политическое руководство возможности исправлять свои наиболее грубые просчеты» (Бурлацкий, Галкин, 1985, с. 172–173).

В итоге, как показывает исторический опыт, такая система подвергается внутреннему распаду и не выдерживает серьезных испытаний, которые преподносит ей жизнь.

Типология экспертов. Изучение и анализ элит, а затем лидерства пробудили исследовательский интерес Ф. М. Бурлацкого к теоретическому описанию феномена политических экспертов (см. подробнее: Соболев, 2018б). В книге «Загадка и урок Никколо Макиавелли» (Бурлацкий, 1977, с. 5–13) Ф. М. Бурлацкий впервые в советской науке затронул вопрос о политической роли советников, консультантов, экспертов, об их участии в принятии государственных и политических решений. Исследовательский интерес Ф. М. Бурлацкого мотивировался практическим опытом: в 1950–1960-е гг. он работал советником, возглавляя группу консультантов при Ю. В. Андропове (Галкин, 2010, с. 263). Своих сподвижников Ф. М. Бурлацкий называл «аристократы духа» (термин Г. Стеффенса) в силу их высоких интеллектуальных и нравственных качеств (см. подробнее: Бурлацкий, 1990; Бурлацкий, 2009).

Систематизируя взгляды Ф. М. Бурлацкого по данному вопросу, можно выделить следующие типы советников.

Первый тип. «Советник-мыслитель, советник-просветитель, харизматический советник. Это тот, кто, по словам Пушкина, содействует изменению нравов, что лежит в основе лучших, наиболее устойчивых преобразований. Примерами таких советников были Аристотель при Александре Македонском, Сенека при Нероне, Макиавелли при Медичи, Вольтер и Руссо при государях XVIII в., Сперанский при Александре I, Витте и Столыпин при Александре III и Николае II. В наше время не было ни одного советника на таком профессиональном уровне и с таким влиянием» (Бурлацкий, 2008а, с. 205–206).

Второй тип. «Советник-пророк... Томас Мор в Англии, Нострадамус во Франции, Сен-Симон в период Консулата. В наше время к этому типу мыслителей ближе подошли Андрей Сахаров, Александр Солженицын. Испорченной моделью такого советника является советник-идеолог. Идеологи отличаются обычно фанатизмом. Это люди одной идеи, веры, подсознательного убеждения» (Бурлацкий, 2008а, с. 206).

Третий тип. «Советник-политикан, советник — себе на уме, советник-перебежчик. Он легко, как хамелеон, меняет окраску в зависимости от того, какому государю служит. Таких советников в истории легион. Эта самая распространенная порода. Многие из них достигли выдающихся высот: Меттерних в Австрии, Талейран во Франции, Василий Шуйский в России» (Бурлацкий, 2008а, с. 206). Более негативным вариантом политикана, по мнению Ф. М. Бурлацкого, является советник-визирь, советник-чиновник, советник-холоп.

Особое внимание Ф. М. Бурлацкий уделяет *советнику-просветителю* и называет его *харизматическим советником* (по модели «харизматического лидера» Макса Вебера). Такие советники, «абсолютно убежденные в правоте своих

идей, концепций, рекомендаций, сумели оказать значительное влияние на решения, принимаемые государями» (Бурлацкий, 2008б, с. 252).

«Харизматический советник» в отличие от «харизматического государя», отмечает Ф. М. Бурлацкий, не ищет личной власти. Такой советник довольствуется «влиянием на умы, на принятие решений. Это род деятельности серых кардиналов, хотя она, эта деятельность, может быть окрашена в светлые тона. Советник харизматического склада черпает удовлетворение не в обладании реальной властью в государстве, а в приобщенности к власти духовной. Если хотите, это другой род тщеславия, чем у правителей» (Бурлацкий, 2008б, с. 253). Для советников харизматического склада поиск чинов — «смешное и унижительное занятие. Он мыслит себя совсем по другому счету. Он искренне верит, что Слово важнее Дела, что Слово всегда предшествует творению» (Бурлацкий, 2008б, с. 253).

В деятельности *советника*, пишет Ф. М. Бурлацкий, есть определенные преимущества по сравнению с деятельностью *государя*. В качестве доказательства он ссылается на свой личный опыт: «Судьба или случай дали мне возможность участвовать в осуществлении своих идей. Я имею в виду свою работу в Верховном Совете СССР, которая длилась всего лишь 2,5 года. Несколько основных законов в области прав человека, над которыми я трудился, быть может, больше других представляют предмет моей гордости и удовлетворения. Но работа в парламенте — очень специфическая политическая деятельность. Это тоже род духовной работы — предлагать законы, по которым будут жить люди, почти то же самое, что и работа просветителя, эксперта, советника» (Бурлацкий, 2008а, с. 207).

Кроме того, Ф. М. Бурлацкий пишет о советниках *независимых и послушных*, людях европейской и азиатской традиций. «Поскольку в России Европа и Азия перемешались между собой, здесь встречаются и те, и другие, хотя послушных несомненно больше. Из-за характера нашей политической культуры и привычек наших властителей советники имеют довольно трудную судьбу, нередко «горят синим пламенем». Но, как ни странно, властители испытывают к ним какой-то род уважения и любопытства. Послушные — ведут себя покорно, служат годы и даже десятилетия. Однако они убивают себя подавлением лучших движений своей души и самых интересных порождений своего интеллекта. Властители ими пользуются, выжимают, как губку, и рано или поздно отбрасывают их в сторону» (Бурлацкий, 2008б, с. 254).

Отдельно Ф. М. Бурлацкий останавливается на такой характеристике советника, как *преданность* своему государю: «Отчасти она связана с личными интересами — престижными или материальными. Но главное не это. Есть магия власти. И советником становится именно тот, кто подпал под этот гипноз» (Бурлацкий, 2008а, с. 210). Государь — не просто человек, он будто «окружен некой аурой, светом, ореолом, за которым, как в тумане, видится громада державы, ее мощь, ее прошлое, ее будущее» (Бурлацкий, 2008б, с. 256).

Таким образом, Ф. М. Бурлацкий на основе историко-сравнительного анализа различных групп элит Западной Европы и США разработал оригинальный подход к феноменам элиты и политического лидерства, который расходится

с доминирующими сегодня в мировой политической науке трактовками, выводящими ценностные и нравственные вопросы за рамки политологического анализа. Бурлацкий первым в советской науке поднял вопрос о политической роли советников, консультантов, экспертов и об их участии в принятии государственных и политических решений. Более того, в рамках своего оригинального подхода ученый выделил особые типы политических советников. Это позволяет признать весомый вклад Ф. М. Бурлацкого, внесенный в исследования феноменов элит, политического лидерства и экспертов.

Литература

- Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М.: Политиздат, 1990. 383 с.
- Бурлацкий Ф. М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. М.: Молодая гвардия, 1977. 255 с.
- Бурлацкий Ф. М.* Политическая наука и реальная политика: в 2 кн. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008а. Кн. II. 300 с.
- Бурлацкий Ф. М.* Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. М.: Собрание, 2008б. 319 с.
- Бурлацкий Ф. М.* Юрий Андропов и аристократы духа. М.: Собрание, 2009. 286 с.
- Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. 384 с.
- Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика. Международные отношения. М.: Международные отношения, 1974. 324 с.
- Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В.* Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.
- Галкин А. А.* У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4. С. 257–269.
- Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
- Гуторов В. А.* Политическая элита и политическое образование в современной России // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2014. Т. 1. С. 207–223.
- Дука А. В.* Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. 2009. № 3. С. 110–140.
- Дука А. В.* Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте // Полис. Политические исследования. 2008. № 6. С. 180–185.
- Ильин М. В., Коваль Б. И.* Личность в политике: «Кто играет короля?» // Полис. Политические исследования. 1991. № 6. С. 127–138.
- Кочетков А. П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 8–20.
- Пляйс Я. А.* Политико-административная элита современной России: проблемы трансформации // Власть. 2015. № 4. С. 29–33.
- Соболев В. А.* Значение Ф. М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018а. № 1. С. 152–158.
- Соболев В. А.* Феномен политических советников и консультантов в творчестве Ф. М. Бурлацкого // Вестник Московского государственного областного ун-та. 2018б. № 3. С. 102–110.
- Соболев В. А., Ширинянец А. А.* Ф. М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 25–42.
- Соловьев А. И.* Политический лидер в административной среде государственного управления, или «Кто в доме хозяин?» // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 60–81.
- Соловьев А. И.* Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015. Т. 2. С. 152–170.

Шестопал Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 47–57.

Шестопал Е. Б. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 53–68.

Шестопал Е. Б., Шутов А. Ю. Памяти Ф. М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–127.

Sobolev V. A. F. M. Burlatsky about development of political science in the USSR // Russian Political Science. 2019. № 1 (10). P. 12–17.

Соболев Владимир Андреевич — канд. полит. наук, науч. сотр.;
sobvlad1992@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 1 сентября 2018 г.;
рекомендована в печать: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: *Соболев В. А. Ф. М. Бурлацкий об элите, политическом лидерстве и экспертах* // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 4. С. 566–579. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.409>

F. M. BURLATSKY ABOUT ELITE, POLITICAL LEADERSHIP AND EXPERTS

Vladimir A. Sobolev

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; sobvlad1992@yandex.ru

The article presents an analysis of the study of the phenomena of elite, political leadership, and political experts in the creative heritage of Fyodor Burlatsky (1927–2014). The subject of the study is Burlatsky's approach to the elite and political leadership, as well as the role of experts in state and political decision-making. Modern domestic research of the phenomena of the elite and political leadership is based not only on studies of foreign political scientists, but also on the legacy of Soviet scientists. Appeal to the ideological and political heritage of Burlatsky allows us to show the results achieved in these areas. One of the first domestic researches of elites and political leadership was carried out in the early 1970s at the Institute for Specific Social Studies of the USSR Academy of Sciences. Using the developments of Western political science and synthesizing them with the achievements of Soviet scientists, a group of researchers analyzed the dynamics of the evolution of different groups of the elites in Western Europe and the United States. The results of this study were published in the book written by Fyodor Burlatsky in collaboration with Alexander Galkin "Sociology. Policy. International relations" and were further developed in the generalizing work "The modern Leviathan: Essays on the political sociology of capitalism". The study and analysis of the phenomena of the elite and leadership awakened Burlatsky's research interest to the theoretical description of the phenomenon of political experts. In the 1950s–1960s Burlatsky worked as a political expert of Nikita Khrushchev and headed a team of consultants for Yuri Andropov. Burlatsky was the first in the Soviet science to raise the issue of the political role of experts and their impact on state and political decision-making. After conducting a historical-political and political-textual analysis of Burlatsky's publications, the author concludes that Burlatsky developed an original approach to the phenomena of elite and political leadership which goes against the dominant interpretations of political science that bring value and moral issues beyond the scope of political analysis. In addition, Burlatsky formulated the original typological model of political experts based on his personal experience as an adviser and classified them to the appropriate types: a) "adviser-thinker", b) "adviser-prophet", and c) "adviser-intriguer".

Keywords: Burlatsky, elite, political leadership, political experts, political science in the Soviet Union, history of political science.

References

- Burlatskii F. M. *A mystery and a lesson of Niccolo Machiavelli*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1977. 255 p. (In Russian)
- Burlatskii F. M. *Leaders and advisers: about Khrushchev, Andropov and not only about them...* Moscow, Politizdat Publ., 1990. 383 p. (In Russian)
- Burlatskii F. M. *Political science and real politics*, in 2 books. Book II. Moscow, RGTEU Publ., 2008. 300 p. (In Russian)
- Burlatskii F. M. *Reforms and reformers: Hopes and illusions*. Moscow, Sobranie Publ., 2008. 319 p. (In Russian)
- Burlatskii F. M. *Yuri Andropov and aristocrats of the spirit*. Moscow, Sobranie Publ., 2009. 286 p. (In Russian)
- Burlatskii F. M., Galkin A. A. *Sociology. Policy. International relations*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1974. 344 p. (In Russian)
- Burlatskii F. M., Galkin A. A. *The modern Leviathan: Essays on the political sociology of capitalism*. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 384 p. (In Russian)
- Duka A. V. Evolution of a Constant: Russian Elites in Historical Context. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2008, no. 6, pp. 180–185. (In Russian)
- Duka A. V. The institutionalization of Russian political-administrative elite. *Politicheskaiia nauka*, 2009, no. 3, pp. 110–140. (In Russian)
- Galkin A. A. At the origins of the revival of political science in Russia (1960–1985): subjective notes. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2010, no. 3–4, pp. 257–269. (In Russian)
- Gaman-Golutvina O. V. Political elites as an object of research in national political science. *Politicheskaiia nauka*, 2016, no. 2, pp. 38–73. (In Russian)
- Gutorov V. A. Political elite and political education in contemporary Russia. *Vlast' i elity*, executive ed. A. V. Duka, vol. 1. St. Petersburg, Intersotsis Publ., 2014, pp. 207–223. (In Russian)
- Ilyin M. V., Koval' B. I. Personality in Politics: Who Plays the King? *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1991, no. 6, pp. 127–138. (In Russian)
- Kochetkov A. P. Power and elites in the global information society. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2011, no. 5, pp. 8–20. (In Russian)
- Plais Ia. A. The political and administrative elite of modern Russia: problems of transformation. *Vlast'*, 2015, no. 4, pp. 29–33. (In Russian)
- Shestopal E. B. Political leadership and problem of personality. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2011, no. 2, pp. 53–68. (In Russian)
- Shestopal E. B. Political leadership in the new environment: perception paradigm shift. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2013, no. 3, pp. 47–57. (In Russian)
- Shestopal E. B., Shutov A. Y. In memory of F. M. Burlatsky (1927–2014). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, 2014, no. 3, pp. 124–127. (In Russian)
- Sobolev V. A. F. M. Burlatsky about development of political science in the USSR. *Russian Political Science*, 2019, no. 1 (10), pp. 12–17.
- Sobolev V. A. The phenomenon of political advisers and consultants in the creative heritage of F. M. Burlatsky. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2018, no. 3, pp. 102–110. (In Russian)
- Sobolev V. A. The importance of F. M. Burlatsky for the formation and development of political science in Russia. *Russkaia politologiia*, 2018, no. 1, pp. 152–158. (In Russian)
- Sobolev V. A., Shirinyants A. A. F. M. Burlatsky and formation of political science in the USSR. *Politicheskaiia nauka*, 2016, Special is., pp. 25–42. (In Russian)
- Solovev A. I. Political Leader in the Public Administration Environment, or Who Is the Man of the House? *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, no. 2, pp. 60–81. (In Russian)
- Solovev A. I. Russian Ruling Elite: the mechanisms and the technologies of political domination. *Vlast' i elity*, executive ed. A. V. Duka, vol. 2. St. Petersburg: Intersotsis Publ., 2015, pp. 152–170. (In Russian)

Voronkova O. A., Sidorova A. A., Kryshchanovskaya O. V. Russian establishment: ways and methods of renewal. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2011, no. 1, pp. 66–79. (In Russian)

Received: September 1, 2018

Accepted: June 25, 2019

For citation: Sobolev V. A. F. M. Burlatsky about Elite, Political Leadership and Experts. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 566–579.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.408> (In Russian)